

Автономизм в Украине как механизм реализации политических интересов

Аннотация

В статье детально рассмотрено отношение политических субъектов и региональных сообществ к децентрализации государственной власти. Проанализированы тексты программ партий и дискурс политических заявлений представителей разных политических сил. Особое внимание сконцентрировано на анализе результатов опросов населения относительно расширения прав регионов и местных общин. Результаты позволяют говорить о специфике оценки децентрализации (как политического интереса) политическими субъектами и региональными сообществами. Если для первых практический интерес представляют отдельные составные элементы децентрализации власти, а не федерализация страны в целом, то для населения ряда регионов автономизм является скорее механизмом самозащиты в условиях перманентных политических кризисов. Автономистские интересы, более выразительно проявившиеся в отдельных регионах, детерминированы внешними (отношение к союзу Украины с Россией и Беларусью, перспективы вступления в НАТО) и языковыми факторами. Однако результаты опроса жителей АР Крым позволяют предполагать, что автономия в Крыму сейчас не является действенным механизмом для реализации интересов крымского регионального сообщества.

Ключевые слова: *автономия, политический интерес, региональное сообщество, регионализация, “центр — периферия”*

Политические интересы как составляющая интересов социальных отражают политические механизмы решения существующих проблем. Любая общественная проблема приобретает политический характер, если она связана с интересами социальных групп или общества в целом и требует для своего разрешения использования механизмов государственной власти. Политики без интересов не бывает. Поэтому в нашем контексте ее можно определить как сферу деятельности, связанную с реализацией потребностей и интересов

индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в целом, ядро которой составляет государственная власть. Итак, политические интересы — это проявление различных по содержанию неполитических интересов, цель которых — изменить положение субъекта с использованием политических ресурсов. В этом контексте я отхожу от сугубо политологических определений понятия “политический интерес”, где субъектами этих интересов могут быть только политические акторы или организации (прежде всего партии). У социальных групп, не вовлеченных в политическую деятельность, не может быть непосредственных политико-властных интересов, связанных с достижением и использованием власти. Поэтому, как отмечалось выше, определенные неполитичные интересы они воплощают при посредничестве политических субъектов и через механизмы государственной власти.

Разработка данной проблематики обусловлена наличием ряда серьезных противоречий в развитии Украины, к которым относятся принципы и формы ее территориального устройства. Украина как независимое государство взяла курс на европейские демократические ценности. 15 июля 1997 года был принят Закон Украины “О ратификации Европейской хартии местного самоуправления” № 452/97-ВР. Однако дальнейшая практика продемонстрировала декларативность программ внутреннего развития. Фактически демократия в Украине начала “пробуксовывать” в плоскости делегирования полномочий от центра на места. В итоге в разрезе вопроса о местном самоуправлении демократия в Украине стала приобретать черты “фасадной”. Что и привело к возникновению ряда латентных проблем и противоречий, получивших выход в политический дискурс в кризисные моменты 2004 года. Политические силы, представленные разными регионами страны, согласились с необходимостью реформирования политической системы страны. В пакете законопроектов, поддержанных Верховной Радой Украины 8 декабря 2004 года, был и законопроект № 3207-1, согласно которому в стране следует реформировать систему местного самоуправления (условно — второй этап политической реформы). Однако эти положения до сих пор не воплотились в реальные политические и управленческие практики, а это угрожает выходом указанных противоречий из латентного состояния в кризисные периоды.

Выдвину несколько гипотез, исходя из наблюдений за региональной политикой в Украине. Во-первых, согласно Конституции Украина является унитарным государством, но содержит элемент федеративного устройства — Автономную Республику Крым. Но даже существующий в Украине унитаризм деформирован по своей сути, потому что содержит не столько систему установления единых правил для всех регионов, сколько систему патрон-клиентелистских отношений между центром и периферией. Во-вторых, декларация принципов демократии не подкреплена перспективами роста уровня самоорганизации региональных общностей и территориальных общин и, соответственно, гражданского самосознания в их среде. Политические интересы населения в регионах страны лишены возможности их реализации, наталкиваясь на бюрократические препятствия, которые нередко приобретают форму “переадресации” требований в Киев и центральные институты власти. Институт региональной власти и местного самоуправления в рамках жесткой регламентации со стороны центра “сужает” каналы выхода гражданской активности и спектр механизмов реализации и защиты политических интересов. Здесь я выскажу производную гипотезу о том, что децентрализация государства путем усиления институтов регио-

нальной власти и органов местного самоуправления не входит в сферу реальных политических интересов большинства политических элит, что, впрочем, не мешает активно использовать этот момент при составлении политических программ. В-третьих, жесткая центростремительная политика ведет Украину по латиноамериканскому пути, когда развиваются лишь несколько крупных центров (в первую очередь столица) за счет стремительно приходящей в упадок периферии. В-четвертых, несмотря на отсутствие должного дискурса в информационном пространстве, в обществе прослеживается наличие политических интересов, связанных с дистанцированием от центральной государственной власти, обнаруживающей свою несостоятельность при решении проблем общества в целом и конкретных региональных общностей в частности. Это лишь некоторые противоречия в развитии украинского государства и общества, позволяющие сделать текущий вывод о наличии находящихся в латентном состоянии конфликтов и политических интересов разной направленности для тех или иных региональных общностей. При таких условиях парадоксом является тот факт, что дискурс автономизма — “мягкая” форма децентрализации государства и один из возможных и вполне реальных механизмов разрешения существующих противоречий — оказывается замалчиваемой темой, подвергающейся негласному “табу” в информационном пространстве.

Несмотря на проблемы, связанные с территориальным устройством Украины, серьезных научных работ по данной тематике в украинском научно-информационном пространстве не так много. В основном они носят политический (к этой группе можно отнести выступления политиков в СМИ, которые упоминаются далее в этой статье), публицистический [Матвієнко, 2010], политологический [Ротар, 2009; Тарасенко, 2009; Мальгин, 2000; Мальгин, 2005] или правовой [Копиленко, 2002] характер и направлены на рассмотрение политико-правового статуса уже имеющейся в составе Украины автономии (Автономной Республики Крым). В рамках социологической науки феномен регионализма в Украине детально рассмотрен в монографиях А.Стегния и Н.Чурилова [Стегній, 1998], А.Вишняка [Вишняк, 2006]. Проблематика политических интересов региональных сообществ Украины в плоскости формирования региональной политики проанализирована в исследованиях Н.Шульги [Шульга, 1994; Шульга, 1995]. Социокультурные факторы политических интересов получили отражение в исследованиях С.Макеева и А.Патраковой [Макеєв, 2004], А.Стегния [Стегній, 2005; Стегній, 2008], И.Кононова [Кононов, 2008], В.Середы [Середа, 2006]. Политико-географические факторы децентрализации Украины исследовали В.Хмелько [Хмелько, 2006], С.Макеев и С.Оксамитная [Оксамитна, 1995]. Социологические исследования функционирования института автономии в Крыму проводил Украинский центр экономических и политических исследований им. А.Разумкова [Национальная безопасность, 2008].

Цель данной статьи — анализ феномена автономизма как политического интереса в политическом пространстве Украины. При этом автономизм здесь определяется как механизм реализации политических интересов путем децентрализации государственной власти и передачи больших полномочий регионам, органам местного самоуправления (это определение предлагаю в качестве основного в данной статье). Предполагается рассмотрение феномена автономизма сквозь призму института государственной власти и, параллельно, в сфере социальных и политических интересов региональных общностей.

Центростремительные и центробежные интересы политических элит

Политический дискурс относительно взаимоотношений в плоскости “центр–регионы” в Украине достаточно широк. Уже в начале периода независимости страны импульс модели федеративного устройства Украины придал лидер Народного Руха Украины В.Черновол. Тогда основаниями для украинских политиков были, во-первых, многосоставной характер украинского общества, во-вторых, отсутствие собственной базы и традиций самостоятельного государственного управления, в-третьих, история политико-правовой мысли Украины (о возможности федеративного устройства страны в свое время говорили М.Драгоманов, М.Грушевский и П.Скоропадский). Кроме того, административно-территориальное устройство Украины еще не было закреплено на законодательном уровне. Права на территориальную автономию еще во времена УССР (1990 год) выдвинула Крымская область. На фоне этого только что созданное независимое Украинское государство вступило в фазу деинституционализации (демонтажа социальных институтов советской эпохи и, в первую очередь, институтов государственной власти и экономики) и “региональной вольницы”.

В институциональной структуре государственной власти в Украине было несколько этапов изменений, связанных со следующими факторами: 1) борьба федералистских и унитаристских внутривнутриполитических векторов государственного устройства; 2) попытки центра ограничить полномочия регионов, что временами встречало сопротивление региональных элит; 3) приход к власти в центре новых политических сил, проводивших изменения в институте региональной власти и в персональном составе региональных элит.

Украинскому государству пришлось решать острые вопросы в отношении регионов, население и элиты которых были настроены на центробежную политику. Речь идет не только о Крымской автономии (в начале 1990-х годов автономистские интересы декларировались также в Донецкой, Одесской и Закарпатской областях). В 1995-м (заключен Конституционный договор) и 1996-м (принятие Конституции) административно-территориальное устройство страны и механизмы управления его единицами получили законодательное оформление. Украина стала унитарным государством с автономной республикой в своем составе. Это положение не подлежало пересмотру до 2004 года, когда в период политического кризиса регионы Востока и Юга выдвинули требование предоставить им автономный статус.

В этой статье нет нужды в детальном рассмотрении каждого из 8 этапов взаимодействия политических субъектов в плоскости “центр–регионы”. Сосредоточу внимание собственно на интересах политических субъектов. Для целостного понимания этих интересов необходимо учитывать три основных фактора. Первое: исторически сформированная в украинском политическом пространстве практика, согласно модели которой сильные регионы в разные периоды ведут борьбу не с центром, а за центр. В таких условиях Киев является не самостоятельным игроком на политическом поле Украины, а скорее переходным “призом” для очередного победителя. Второе: на территории Украины свою состоятельность доказал тезис о регионализации как реакции региональных элит на слабость центральной власти, выдвинутый коллективом авторов во главе с Г.Ашиным [Ашин, 2001: с. 438]. Этот тезис можно переформулировать так: чем слабее власть центра,

тем выше активность и сильнее власть региональных элит. Третье: деинституционализация, начавшаяся после разрушения советской системы, не получила своего завершения. Как отмечали Е. Головаха и Н. Панина, “деинституционализация была сугубо демонстративной и не затронула глубинных основ институционального порядка” [Головаха, 2001: с. 9]. Украина все еще находится в условиях двойной институциональной системы — на фоне разрушенных институтов советского времени и полуоформленных, нефункциональных институтов нового, постсоветского времени.

Исходя из логики описанных выше факторов становится понятной конфигурация интересов политических субъектов во взаимоотношениях центра и регионов. Их интересы исходили из: а) традиций, обусловленных политической географией страны; б) ситуативных политических возможностей; в) привычных и хорошо апробированных моделей государственного управления недавнего прошлого. Поэтому центральная власть в Украине, высшие посты в которой получали выходцы из разных регионов, начала воссоздавать в отношении регионов примерно такую же модель, какую в свое время использовал союзный центр Москва в отношении республик СССР. Когда днепропетровская группа во главе с Л. Кучмой заняла и укрепила свои позиции в Киеве, центральная власть сделала все для установления как можно более сильного контроля над регионами (вплоть до уровня районных государственных администраций) путем ослабления областных советов и органов местного самоуправления низших уровней. Это послужило “отправной точкой” в формировании “фасадного” характера украинской демократии. В дальнейшем контроль над институтом региональной власти со стороны центра (независимо от того, какие региональные группы приходили к центральной власти) только усиливался. Можно проследить периоды интенсификации кадровых перемещений в региональной власти: в течение 1999 года (25 назначений), в начале 2005-го (51 назначение), в марте–апреле 2010-го (хотя на момент написания этой статьи процесс кадровых замен не был окончательно завершён, по предварительным наблюдениям можно говорить о замене руководителей исполнительной власти (“губернаторов”) практически во всех регионах страны и переизбрании нескольких глав региональных парламентов). Соответственно, за заменами руководителей регионов “тянутся” кадровые перемещения по всей вертикали института региональной власти по крайней мере до районного уровня. Таким образом, здесь мы видим наличие интереса со стороны центра и сильных региональных групп в установлении большего контроля над всеми другими регионами страны через кадровые механизмы. Здесь на практике реализуется тезис М. Вебера о том, что “все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями” [Вебер, 1990: с. 652, 656]. Именно в рамках этого интереса Киев в период президентства Л. Кучмы реализовывал стратегию распространения своего влияния в центральном и южном макрорегионах, что, в свою очередь, сказалось на соотношении столичного и регионального капиталов на выборах в округах Центра и Юга в период 1998–2002 годов [Рожкова, 2002]. Через округа этих регионов в центральную законодательную власть “проводили” близких и лояльных к ней кандидатов. Такая конфигурация политического интереса центра (и днепропетровской группы, находившейся при власти) обусловлена наличием на флангах (в западном и восточном макрорегионах) мощных региональных групп, которые боролись за влияние на центр и

позиции в центральной власти. Центр в тот период выстраивал своеобразный “водораздел”, который должен был обеспечить баланс сил Киева между Востоком и Западом с опорой на Юг и Центр. С 2005 года кадровые интересы центра в регионах имели менее системный и более ситуативно-тактический характер (ревизия кадрового резерва, удовлетворение кадровых потребностей сторонников, волюнтаризм в кадровой политике и т.п.).

Что касается системных центробежных интересов политических субъектов, то они обладали вектором сопротивления отдельных регионов жесткой политике Киева в подчинении всех институтов региональной власти в единую вертикаль власти. Фактически регионы пытались противостоять попыткам центра превратить их в сплошную периферию. В первую очередь опротестовывались изменения политического характера (усиление кадровой селекции центра в регионах, ограничение полномочий региональной власти и т.п.). Экономические же причины центробежных интересов проявлялись в дискурсе политических субъектов в периоды обострения политических взаимоотношений (ноябрь–декабрь 2004 года). Поэтому можно предполагать, что главной составляющей центробежных интересов политических субъектов была и остается власть, а экономические составляющие носили второстепенный характер. Во избежание недоразумений этот тезис следует пояснить: в Украине все еще имеется искаженная модель взаимодействия политики с экономикой, а именно — политика остается базисом для экономики, которой приходится выполнять второстепенную роль “надстройки”. Власть дает возможность формирования, наращивания и сохранения капиталов. Поэтому для региональных политических субъектов интересы власти первичны, на их фоне экономические интересы являются производными и вторичными.

Однако выход за пределы сугубо политического дискурса и оперирование хотя бы небольшим количеством экономических показателей дает основания утверждать, что именно экономическая составляющая является одной из важнейших в интересах регионов и их сообществ. Согласно нормам централизованного бюджета Украины большинство доходов от экономической деятельности в регионах идет в центр, который по своему усмотрению затем распределяет эти ресурсы на выполнение конкретных задач и покрытие определенных затрат (в том числе и в регионах). Установлена жесткая экономическая зависимость регионов от центра. Доля поступлений в центральный бюджет с мест в 70–80% от доходов до сих пор остается нормой, а в период президентства Л.Кучмы эта цифра порой достигала 88% [Мостовая, 2007]. К этому следует добавить факт распространения практики регистрации в Киеве крупных предприятий, расположенных в областях. Таким образом, реальный продукт вырабатывается на периферии, а налоги платятся в центре. По данным, озвученным политологом А.Финько на круглом столе “Федерализация Украины: причины, субъекты интереса и возможные последствия” в феврале 2005 года, в Украине разница по валовой добавленной стоимости между экономически слабыми регионами и Киевом достигает шести раз [Круглый стол, 2005]. В результате такой сверхцентрализованной политики бюджет оказывается не инвестиционно-инновационным, а ведущим к деградации. Показателем может служить тот факт, что на капитальные затраты из местных бюджетов выделяется всего 4% средств [Ганущак, 2007]. В частности, можно привести данные по Львовской области, где доля населенных пунктов, живущих за счет дотаций из центра, достигает 80–90%, налоги, поступающие от малого бизнеса, составляют всего 2%

расходной части местных бюджетов [Худицкий, 2010]. Коммунальной собственности, которая могла бы давать доход, у большинства территориальных общин уже нет. Села получают совсем небольшой налог с земли, который выплачивается раз в год. Дотационные поступления из центра сейчас составляют 90% доходной части местных бюджетов. Впрочем, с передачей доходов от местной лесной промышленности дотационность региона можно было бы уменьшить до 10–20%. Однако доходы от недр и лесной промышленности идут в центр, в результате чего в регионе появился афоризм: “лучшие леса растут на Крещатике” [Худицкий, 2010]. Полагаю, краткую иллюстрацию состояния Львовщины можно спроектировать на большинство регионов Украины. Более того, аналогичные проблемы существуют и в действующей ныне автономии в Крыму. В апреле 2010 года глава крымского парламента В.Константинов в интервью заявил, что Крым является дотационным регионом: “Если бы полуостров был на полном хозрасчете, то мы были бы сегодня полными банкротами. Полуостров не способен самостоятельно выживать” [Рябов, 2010а]. Однако другие крымские политики Л.Грач [Рябов, 2010б] и Л.Миримский [Дорофеев, 2010] прокомментировали такое экономическое положение Крымской автономии, ссылаясь на незаинтересованность в самодостаточности полуострова со стороны центра. Хотя в Конституции АРК закреплено положение, согласно которому налоги в полном объеме должны оставаться в автономии.

Сейчас мы видим, что центр создает большую проблему будущего не только для периферии, но и для себя самого. В таких условиях украинское общество не имеет элементарных оснований для избавления от патернализма в своих взаимоотношениях с государством. Без давления “снизу”, без гражданской инициативы на местах развитие демократии невозможно. Слабость и безынициативность регионов, которые превращаются в заброшенную периферию, будут негативно влиять на состояние государства и общества в целом. Впрочем, слабой, зависимой от дотаций периферией руководить гораздо легче, чем экономически самодостаточными регионами. И в этом заключается непосредственный политический интерес центра и сильных региональных элит, борющихся за центральную власть.

Аналогичную тенденцию в плане соотношения властных и экономических составляющих можно проследить и в отношении центростремительных интересов как Киева, так и сильных региональных групп, боровшихся за центральную власть. Среди них были как группы из экономически сильных регионов (Днепропетровск, Донбасс, Харьков), так и не относящиеся к ним (западноукраинская, условно “львовская” группа). Их политические интересы, как уже отмечалось, были детерминированы прежде всего политическими, а уже потом экономическими факторами. Отсутствие и у центральной, и у региональных элит разного уровня (бюджетных “доноров” либо “реципиентов”) реальных интересов по поводу децентрализации власти и предоставления регионам больших экономических и политических полномочий можно объяснить и с точки зрения концепции рентоориентированного общества в Украине [Дубровский, 2010].

Показателем отсутствия реальных центробежных интересов у ведущих политических игроков в борьбе за центр (хотя все они представлены региональными элитными группами) служат данные Государственного комитета статистики Украины о соотношении центрального и местного бюджетов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика структуры бюджетной системы Украины, %*

Бюджеты	Доля в совокупном бюджете						
	1990	1995	1999	2004	2006	2008	2010 проект бюджета
Государственный (центральный) бюджет	51,7	61,1	70,7	72	72,6	77,8	79
Местные бюджеты	48,3	38,9	29,3	28	27,4	22,2	21

* Источник: [Новак, 2010].

Как видим, из года в год доля центрального бюджета только увеличивалась за счет сокращения доли местных бюджетов. Отмечу также нестабильность бюджетной системы Украины. Так, коллектив авторов во главе с В.Федосовым в свое время обратил внимание на то, что в 1998 году бюджет Украины по соотношению центрального (51,8%) и местных (48,2%) бюджетов был наименее централизованным [Федосов, 2002: с. 270]. Этот факт ситуативного увеличения доли местных бюджетов требует объяснения. Это был год выборов депутатов в Верховную Раду Украины, что, по-видимому, требовало определенных уступок для регионов со стороны центра. Кроме того, в августе того же года Украина ощутила на себе последствия Азиатского экономического кризиса, когда сложились благоприятные условия для предоставления регионам больших свобод в формировании собственных бюджетов. Кстати, в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов именно такой сценарий решения бюджетных проблем страны (увеличение доли местных бюджетов и, соответственно, частичное перенесение на них социальных расходов) рассматривался Кабинетом Министров во главе с Ю.Тимошенко в конце 2009 года. Таким образом, центр соглашался на усиление регионов лишь в определенные критические моменты (избирательная кампания, экономический кризис), и такие меры принимались для выполнения определенных задач. При более или менее стабильных условиях центр (с любой региональной группой во главе) не проявлял никаких сознательных со стороны его руководителей инициатив для разгрузки своих властных полномочий в пользу регионов. Поэтому высказывание о центробежных стремлениях сильных политических центров и регионов их политической ойкумены — не что иное, как политический миф. Даже провозглашение центробежных деклараций в ноябре–декабре 2004 года региональными элитами Востока и Юга в Харькове и Северодонецке имело характер скорее политического давления без конкретных намерений, нежели уверенной программы действий (что и доказала их дальнейшая политическая практика).

В партийном спектре основные политические силы в той или иной форме декларируют в своих программных документах положения о децентрализации власти и усилении местного самоуправления. О функциональном усилении роли местных общин и Советов говорится в программах всех ведущих политических партий Украины. Предлагаются разнообразные механизмы реализации государственной политики в пользу регионов и местных общин. Например, в программе партии «Батьківщина», входящей в блок Ю.Тимо-

шенко, есть положение о совершенствовании местного самоуправления в соответствии с Европейской хартией и о выборности губернаторов. В тексте программы партии “Наша Украина” в отношении региональной политики можно видеть положения о “бюджетной автономии”. Механизмы усиления местных общин путем изменения системы налогообложения в пользу местных властей предлагают программы СПУ и Народной партии. КПУ является сторонником политических реформ и внедрения системы Советов трудящихся от местного до высшего уровня. Как видим, все основные политические силы косвенно декларируют принципы децентрализации власти и расширения прав регионов (такие положения можно встретить даже в программе одного из серьезнейших оппонентов федеративной модели ВО “Свобода”: восстановление мажоритарной системы выборов, проведение местных референдумов, перераспределение полномочий и финансовых ресурсов между центром и органами местного самоуправления). Однако реалии политического процесса в Украине демонстрируют, что проблемы регионов и местного самоуправления используются политическими игроками на декларативном уровне, а механизмы их решения остаются на бумаге.

Имидж наиболее ориентированной на децентрализацию власти в Украине имеет Партия регионов. Но ее лидеры по указанным вопросам тоже занимают неоднозначную позицию, скорее напоминающую политическое маневрирование. С одной стороны, они декларируют необходимость расширения прав регионов и местных властей с позиций экономической целесообразности (В.Рыбак: “Украина поднимется только через подъем регионов” [У Януковича заговорили о бюджетном федерализме, s.a.]), культурного многообразия украинского общества (А.Герман об идеологии Украины, основанной на принципах широкой культурной автономии регионов [Герман, 2010]), разрешения узла социально-политических конфликтов и стабилизации политической системы Украины (предложения В.Тихонова [Тихонов, 2004] и В.Колесниченко [Колесниченко, 2009]). Но в ходе избирательной кампании 2009 года в программе “Украина для людей” кандидата в президенты Украины В.Януковича от Партии регионов ни единого слова о федерализации страны не было [Лозунько, 2009]. В программе содержались тезисы о расширении полномочий местных Советов и предоставлении им до 60% совокупного государственного бюджета страны [Украина для людей, s.a.]. В то же время, текст Закона Украины “О бюджете Украины на 2010 год” свидетельствует об усилении тенденций бюджетной централизации, поскольку соотношение расходов из центрального и местных бюджетов составляет 80% и 20% соответственно.

Партии регионов принадлежит первенство в инициативе институционального оформления учреждений, которые могли бы артикулировать интересы регионов в центре. В 2007 году на базе Министерства строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Украины было создано Министерство регионального развития и строительства Украины. В 2010 году при президенте В.Януковиче был создан консультативно-совещательный Совет регионов, а вице-премьером по вопросам региональной политики стал В.Тихонов, известный приверженец федеративного устройства страны. При этом особых изменений во взаимоотношениях между центром и регионами не произошло. Более того, можно утверждать, что тему децентрализации страны интенсивнее поднимали в информационном простран-

нстве представители Партии регионов в те периоды, когда эта партия находилась в оппозиции. Лозунгом, четко характеризующим отношение Партии регионов (когда это “партия власти”) к децентрализации, служит тезис ее лидера и президента страны В.Януковича: “Украина — унитарное государство. Точка” [Янукович, 2010].

Властные периоды деятельности ПР не отмечаются какими-либо более-менее заметными политическими инициативами в плане разгрузки властных полномочий центра в пользу местных властей. Однако можно видеть использование в региональной политике отдельных управленческих моделей, которые вряд ли можно отнести к политике децентрализации. Это и интенсивная кадровая замена руководящего состава исполнительной власти в течение марта–мая 2010 года почти во всех регионах страны (что в условиях широких полномочий регионов де-юре было бы невозможно сделать без волеизъявления региональных сообществ), и проекты расширения полномочий исполнительных органов региональной власти (в частности — Совета Министров АРК), подконтрольных центру и непосредственно Президенту, и дистанцирование от радикальных центробежных политических инициатив и заявлений, сделанных представителями ПР на местах. Таким образом, опираясь только на внешнюю политическую риторику представителей ПР о децентрализации власти, едва ли можно уверенно утверждать о центробежных интересах этой политической силы. Есть вероятность, что тезисы о децентрализации и некоторых мерах используются политиками из ПР (как, впрочем, и другими партиями) с уже тривиальной для украинского политического пространства целью эффективного использования регионов с позиций центральной власти и сохранения контроля над своим базовым электоратом на Юге и Востоке, представители которого выражают симпатию к идеям федерализации (о чем речь пойдет ниже).

При рассмотрении высказываний представителей разных политических сил о возможностях политики частичной децентрализации обнаружилось некоторые общие моменты, которые можно выделить в качестве центробежных интересов политических субъектов. Все эти политики (В.Тихонов, И.Винский, А.Матвиенко, Л.Грач, Г.Крючков, В.Рыбак, А.Герман, В.Литвин, С.Гриневецкий, В.Колесниченко, Н.Онищук, С.Соболев, И.Попов, Г.Бурбеза), дававшие в последнее время подробные интервью по тематике данного исследования, подчеркивали необходимость решения проблем региональных сообществ и местного самоуправления. Среди общего декларативного контекста можно выделить следующие реальные интересы политических субъектов:

- 1) продажа земли в регионах;
- 2) передача разрешительных функций (в частности лицензирования) на низшие уровни государственного управления (сейчас эти функции в основном сконцентрированы в Киеве);
- 3) введение парламентского бикамерализма — двухпалатного парламента, где одна из палат должна представлять интересы регионов;
- 4) восстановление мажоритарной избирательной системы.

В первых трех вариантах проявления центробежных интересов можно найти как позитивные, так и негативные элементы. Продажа земли может способствовать экономической активности на местах, но не следует питать иллюзий, что от этого выиграют широкие массы региональных сообществ.

Передача лицензирования в местные органы власти упрощает процедуру получения разрешения на ту или иную деятельность для субъектов предпринимательской деятельности, но при этом значительно усиливает рычаги реальной власти региональной бюрократии. Введение института парламентского бикамерализма могло бы содействовать большей артикуляции интересов региональных сообществ на общенациональном уровне. При этом уровень политической культуры граждан в регионах не дает исследователю оснований говорить об этом с полной уверенностью. Слабая связь элит со своими региональными “материнскими” группами, не имеющими опыта общественного контроля за деятельностью своих делегатов в центре, создает условия, в которых риск использования парламентской Палаты регионов для политического давления, блокирования принятия решений и т.п. достаточно высок.

Но даже на фоне трех неоднозначных (хотя теоретически перспективных) политических проектов, указанных выше, политический интерес, связанный с восстановлением мажоритарной системы, соответствует потребностям только политических субъектов, а отнюдь не интересам региональных сообществ. Все разговоры о том, что мажоритарная система будет способствовать повышению ответственности народных избранников перед своими избирателями, не соответствуют действительности (табл. 2).

Таблица 2

Оценка гражданами степени выражения в парламенте интересов избирателей депутатами, избранными в мажоритарных округах*, %

Варианты ответа	1994	1995	1996	1998	1999	2000	2002	2004	2005	2006
Да	22,9	8,6	7,1	13,4	9,2	7,1	8,5	9,2	12,3	12,8
Не уверен	33,4	30,8	29,7	43,0	38,3	37,9	37,6	34,1	36,6	42,9
Нет	12,6	34,2	31,7	24,2	33,9	32,1	36,4	39,9	32,7	25,6
Я не знаю, кто был избран	21,0	24,0	29,4	17,7	17,5	22,0	16,9	16,6	18,4	18,7
В нашем округе депутат не избран	8,4	1,9	2,1	1,5	0,7	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0
Не ответили	1,8	0,4	0,0	0,2	0,3	0,3	0,7	0,2	0,1	0,0

* Данные взяты из социологического мониторинга “Украинское общество”, который проводится Институтом социологии НАН Украины с 1992 года [Головаха, 2008: с. 12].

Как видим, уверенность граждан в том, что депутат от их округа способен выразить их интересы в парламенте Украины, редко превышала барьер в 10%. Впрочем, в условиях деинституционализации и параллельного существования элиты и остального общества это вполне ожидаемый результат. Внимание привлекает показатель незнания избирателями того, кто, собственно, представляет их интересы в высшем законодательном органе страны. Средний показатель доли респондентов, не знавших, кто был избран от их округа, составляет 20,2%. Мажоритарная система доказала свою функциональную неэффективность. Вместе с тем она служит удобным каналом для получения властных полномочий в центральной власти, что и обуславливает ее соответствие интересам политических субъектов — как в центре, так и на местах.

Таким образом, интересы политических субъектов в плоскости взаимоотношений “центр–регионы” имеют специфическую конфигурацию, которую нельзя отождествлять с политическими интересами региональных сообществ в этой же сфере.

Автономизм в интересах региональных сообществ Украины

Регионализация в украинском обществе имеет глубокие исторические корни. По справедливому замечанию А. Стегния, “весомость влияния регионального фактора на ориентационную функцию массовой политической культуры в Украине главным образом определяется различиями исторических условий формирования социокультурных сред” [Стегний, 2008: с. 43]. Поскольку проблематике исторических оснований и форм регионализации в Украине уделено достаточное внимание исследователей, считаю целесообразным перейти непосредственно к вопросу проявления центробежных ориентаций в политических интересах населения. Следует обратить внимание на то, что социальные, и тем более политические интересы в обществе — это всегда явление сложное, зависящее от множества факторов. Вряд ли их проявления можно корректно оценить или поместить в рамки каких-либо политологических схем. И то, и другое будет иметь искусственный характер, в результате чего представление о социальной реальности может быть деформировано как у самого исследователя, так и у читателей его работы. К примеру, автономистские интересы разных региональных сообществ Украины колеблются во времени, они во многом ситуативны, а порой прямо зависят от политической конъюнктуры, внешнеполитических обстоятельств и т.п. Более того, выскажу предположение, что центробежные и центростремительные намерения в политических интересах населения современной деинституционализированной Украины едва ли можно четко “привязывать” к конкретным региональным сообществам, поскольку изменение политической ситуации в стране может “потянуть” за собой изменения в расстановке приоритетов и в конфигурации политических интересов тех или иных региональных сообществ. Причина этого — зависимость общества в целом и его составляющих (в нашем случае — региональных сообществ) в частности от государства и изменений в институте государственной власти. Подобная неоднозначность феномена регионализации в Украине не дает основания рассматривать его по-новому, возможно, с несколько непривычных позиций. Под таким углом зрения автономизм уже не будет присущ одним только региональным сообществам Юга и Востока, а население Запада и Центра нельзя отнести исключительно к ориентированному на унитарный вектор развития своих регионов.

По результатам мониторингового опроса “Украинское общество”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в феврале–марте 2002 года ($N = 1799$, погрешность выборки — 2,3%, региональное деление см.: [Україна–2002, 2002: с. 511, 658]), граждане Украины преимущественно (82,3%) высказались в пользу того, что руководителей региональной исполнительной власти (условно — губернаторов) должно выбирать население (табл. 3). В то же время механизм назначения губернаторов Президентом страны поддерживало всего 7,7%. Можно видеть, что различий между региональными сообществами по данному вопросу практически нет.

Таблица 3

Отношение граждан Украины к механизмам избрания/назначения руководителей региональной исполнительной власти: региональный разрез*, %

Варианты ответа	Запад	Центр	Юг	Восток
Должны избираться населением	84,7	82,1	78,9	82,5
Должны назначаться Президентом	6,9	5,3	8,9	9,3
Трудно сказать	8,4	12,6	12,2	8,2

* Доля от ответивших ($n = 1799$).

Однако по результатам омнибусного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Украины в апреле–мае 2009 года ($N = 1800$, погрешность выборки – 2,3%, региональное деление см.: [Українське суспільство, 2009: с. 219, 548]), население разных макрорегионов Украины продемонстрировало существенные различия относительно перспектив регионализации в государстве и развития институтов автономий (табл. 4).

Таблица 4

Отношение граждан Украины к перспективе получения областями их проживания статуса автономий*, %

Варианты ответа	Запад	Центр	Юг	Восток
Да, хотел бы, чтобы область, в которой я проживаю, отдельно получила статус автономии	2,0	1,8	3,6	11,5
Да, хотел бы, чтобы область, в которой я проживаю, получила статус автономии вместе с одной или несколькими соседними областями	3,4	2,6	7,5	22,4
Нет, не хотел бы, чтобы область, в которой я проживаю, отдельно или вместе с соседними областями получила статус автономии	61,3	58,1	42,5	32,6
Я проживаю в автономной единице (АРК)	0,0	0,0	18,7	0,2
Трудно ответить	20,1	18,9	12,1	21,2
Меня это не волнует	13,2	18,6	15,6	12,1

* Доля от ответивших ($n = 1799$).

Можем видеть, что интересы, касающиеся получения автономного статуса областей проживания респондентов наиболее распространены на Востоке (в целом почти 34%). Среднюю позицию занимают показатели респондентов Юга (в целом – 11,1%), куда входит и население Крыма, проживающее в действующей автономии. Менее всего выражены интересы автономизма на Западе и в Центре страны. Во всех случаях поддержки идеи придания областям статуса автономии предпочтение отдается варианту обретения автономии вместе с соседними областями. Отказ от автономного статуса наиболее характерен для жителей западного (61,3%) и центрального (58,1%) макрорегионов (хотя нужно отметить, что и Юг, и Восток тоже имеют весьма значительные сегменты антиавтономистов). Привлекают внимание также значительные сегменты респондентов, продемонстрировавших безразличие по этому

вопросу (15,1% в целом по Украине), и затруднившихся с ответом (18,5%), что дает основания думать об их неопределенности.

Впрочем, в контексте перспектив общей регионализации украинского политического пространства (предоставление статуса автономий другим регионам) прослеживаются некоторые отличия от результатов предыдущего вопроса, в ответах на который граждане излагали суть своих, внутрирегиональных интересов. Фактически здесь разные региональные сообщества выражали свое согласие (или наоборот) по поводу расширения самостоятельности во взаимоотношениях с центром для других регионов и их сообществ (табл. 5).

Таблица 5

**Отношение населения Украины к перспективам
получения статуса автономии другими областями*, %**

Варианты ответа	Запад	Центр	Юг	Восток
Скорее согласен	2,9	2,1	11,7	24,2
Скорее не согласен	22,3	24,4	15,6	15,2
В Украине вообще не должно быть автономий	44,1	36,1	30,2	18,7
Трудно ответить	14,9	17,8	22,4	22,5
Меня это не волнует	15,8	19,6	20,1	19,4

* Доля от ответивших ($n = 1797$).

Итак, 51% суммарно составляют противники предоставления статуса автономии другим областям (19,6%), и те, кто отрицает существование автономий в Украине вообще (31,4%). Если посмотреть в региональном разрезе, увидим, что позиция получения для себя и предоставления другим статуса автономии сохранила пропорцию 1 : 1 только на Юге — 11,1% и 11,7% (хотя следует отметить, что в предыдущем вопросе (табл. 4) из сегмента южного региона фактически “выпали” жители Крымской автономии). В этой же плоскости можно констатировать уменьшение количества ориентированных на автономизм среди жителей Востока — 33,9% и 24,2% соответственно. Увеличилось также количество “равнодушных” и “неопределившихся”. Степень равнодушия в отношении перспектив автономизации других регионов (по сравнению со своими) возросла во всех макрорегионах и особенно — на Востоке (на 7%). Показатели неопределенности возросли на Юге (на 10%) и почти не изменились на Востоке и в Центре, однако уменьшились на Западе (на 5%), где население имеет более четкую позицию в плане перспектив автономизации других регионов. Итак, можно предположить превалирование в политических интересах внутренних приоритетов (внутригрупповых, внутрирегиональных и т.п.), на фоне которых предоставление другим элементам социальной структуры предпочтений, аналогичных по содержанию собственным, поддерживается без излишнего энтузиазма.

Конфигурация оценки гражданами перспектив децентрализации власти и, соответственно, регионализации в Украине изменяется в случае переключения внимания респондентов с формальных (предоставление автономии как комплексной политической меры) на содержательные (отдельные структурно-составляющие элементы регионализации государства) аспекты данного вопроса. В таблицах 6 и 7 содержатся результаты проведенного

Институтом социологии НАН Украины в 2009 году omnibusного опроса по вопросам косвенного характера о “разгрузке” власти центра в пользу регионов (вопросы для анкеты omnibusа были предложены А.Вишняком). При изучении общественного мнения касательно проблемы регионализации в ее отдельных составляющих можно заметить, что количество респондентов, которым было трудно ответить на эти вопросы, заметно возросло (к этому сегменту можно отнести как респондентов, признавших недостаточность своей компетенции по указанным вопросам, так и не определившихся со своей позицией). Но даже при значительном сегменте “неопределившихся” можем видеть существенную разницу в отношении населения к одной проблеме в различных плоскостях — формальной и содержательной.

К примеру, такой составной элемент института политической автономии, как разграничение полномочий между центральной и региональной властями, поддерживают более 50% граждан в целом по Украине (табл. 6). Региональное распределение демонстрирует, что подобное размежевание поддерживает более половины респондентов в трех макрорегионах Украины (максимальный показатель на Востоке — 57,8%, минимальный в Центре — 44,4%). Максимальный уровень несогласия с размежеванием полномочий центра и регионов на уровне чуть выше 16% наблюдается в западном и центральном макрорегионах страны (кстати, в последнем зафиксирован и самый большой сегмент респондентов, не определившихся по данному вопросу).

Таблица 6

**Отношение граждан Украины к разграничению полномочий
центральных и региональных органов власти и невмешательству их
в деятельность друг друга*, %**

Варианты ответа	Запад	Центр	Юг	Восток
Полностью поддерживаю	19,8	3,9	16,8	19,3
Скорее поддерживаю	30,4	0,5	33,5	38,5
Скорее не поддерживаю	12,9	8,1	9,2	5,9
Абсолютно не поддерживаю	4,0	8,5	4,2	3,6
Трудно ответить	31,9	39,0	36,3	32,7

* Доля от ответивших ($n = 1797$).

Более рельефный вид имеет общественное мнение в региональном разрезе при ответе на вопрос, касающийся создания в регионах парламентов и правительств с конституционно закрепленными полномочиями. Но и здесь количество позитивно настроенных в отношении подобных политических преобразований (34,1% в целом по Украине) превышает массив тех, кто высказался против (23,9%), на 10%. Содержательное приближение в вопросе к сути политической автономии (ее структурно-функциональные элементы — властные институты) дало “колебание” результатов по макрорегионам. Больше всего сторонников перспектив создания властных институтов с широкими полномочиями в регионах оказалось на Востоке (48,7%) и Юге (32,5%), меньше всего — на Западе и в Центре (чуть больше 26%). Наиболее негативно к созданию региональных парламентов и правительств относятся на Западе (35,2%), наименее негативно — на Востоке (11,7%), среднюю позицию занимают жители Юга (23,0%) и Центра (28,8%).

Таблица 7

**Отношение граждан Украины к перспективам создания
региональных парламентов и региональных правительств
с конституционно закрепленными полномочиями
на уровне отдельных регионов*, %**

Варианты ответа	Запад	Центр	Юг	Восток
Полностью поддерживаю	5,3	6,2	10,9	15,5
Скорее поддерживаю	20,5	20,3	21,6	33,0
Скорее не поддерживаю	14,4	10,3	9,0	7,1
Абсолютно не поддерживаю	20,8	18,5	14,0	4,6
Трудно ответить	39,0	44,7	44,5	39,6

* Доля от ответивших ($n = 1780$).

Таким образом, исходя из результатов ответов граждан Украины на приведенные выше четыре вопроса можно констатировать наличие в украинском обществе политического интереса в плоскости регионализации, причем количество приверженцев увеличивается от общей (формальной) постановки проблемы, где присутствует прямая апелляция к институту автономии, к более детальной, когда опрашиваемые должны высказать свое отношение к отдельным элементам автономии (при содержательном подходе). На этом основании можем выделить условные группы “убежденных автономистов” (10,6%) и “убежденных унитаристов” (13,9%). Менее четкими являются условные группы “лояльных” (34,0–50,0%) и “оппонентов” (23,9–51,0%) регионализации. Выделение этих условных групп становится возможным при рассмотрении результатов ответов на крайних “точках”. В данном случае это были согласие на предоставление автономии другим (не своей) областям Украины, с одной стороны, и отрицание необходимости размежевания полномочий центральных и региональных органов власти — с другой. Как продемонстрировали результаты, на крайних “точках” концентрируются относительно немногочисленные сегменты респондентов, являющихся базовыми группами автономистов и унитаристов. Эти социальные “ядра” того или другого политического интереса расширяются или, наоборот, сужаются при условии введения тех или иных мотивационных факторов. Например, термин “автономия” имеет свою информационную нагрузку (нередко с негативной политико-идеологической окраской) для граждан. В свою очередь, составляющие института автономии не вызывают резкого возражения. Расширение политического интереса граждан к регионализации от меньшего к большему схематически можно представить (исходя из имеющихся у нас формулировок) следующим образом (см. рис.).

Итак, в общественном мнении украинского общества сейчас сложилась своеобразная конфигурация политического интереса к регионализации: граждане высказываются против автономизации регионов Украины, однако позитивно относятся к элементам института автономии. В концентрированном виде данный феномен можно сформулировать как активный *анти-автономизм с латентным стремлением к децентрализации*. Такое неоднозначное отношение к перспективам регионализации в целом и к институту

автономии в частности связано со спецификой проявления политической культуры разных региональных сообществ не только на почве их исторического своеобразия, но и в условиях общей деинституционализации в Украине. А.Стегний справедливо отметил, что регионализация в современной Украине “предстает прежде всего как продукт распада централизованной экономики и государственно-политических структур. Этот процесс стимулирует тенденции локализации самоорганизации различных социальных, экономических, коммуникативных и властных структур” [Стегний, 2008: с. 52]. Перманентное пребывание индивидов и социальных групп в кризисных условиях двойственной институциональной системы не только создает условия для локализации их взаимодействия, но и побуждает искать более эффективные модели самоорганизации. В итоге политические интересы граждан включают иногда в прямой, а чаще в латентной, слабо-осознанной форме центробежные векторы развития или выживания.

Рис. Расширение политического интереса граждан к проблеме регионализации в Украине

Социальная группа “автономистов” в украинском обществе

После рассмотрения общей конфигурации центростремительных и центробежных векторов в политических интересах населения необходимо проанализировать внутренние факторы группообразования. Поскольку нас прежде всего интересует условная социальная группа “автономистов”, сконцентрируем внимание на ее внутренней структуре, что, в свою очередь, может дать косвенные ответы о том, какие собственно интересы пытаются реализовать или защитить граждане, которые в нее входят.

Согласно данным опроса Института социологии НАНУ 2009 года, по показателям возраста и образования своей внутренней структурой автономисты¹ практически не отличаются от других условных групп (унитаристов; неопределившихся; равнодушных). По показателем этнической принадлежности автономисты на 68% состоят из украинцев и на 30% — из русских. Это

¹ Напомню, что к этой условной группе отнесены две подгруппы респондентов, которые дали ответ о получении статуса автономии для своей области *отдельно* или *вместе* с соседними областями — в целом 14,5% от выборки по Украине).

контрастирует с показателями языка общения в семье. Преимущественно украинским языком пользуются 15,9–17,5%, преимущественно русским — 64,8–67,3%, и на украинском, и на русском общаются 15,2–19,3% автономистов (для сравнения отмечу, что унитаристы на 54,7% состоят из украиноязычных, на 27,1% — из русскоязычных, на 17,3% — из двуязычных респондентов).

По показателям проживания автономисты в основном являются жителями городов с населением свыше 250 тыс. человек (подгруппы получения статуса автономии для своей *области отдельно* и *вместе с соседними областями* — соответственно 31,1% и 45,6%) и небольших городов (38,9% и 29,2%, соответственно). По административно-территориальной структуре можно определить, что больше всего автономистские интересы распространены в Донецкой (15,0% в первой и 33,5% во второй подгруппе респондентов, опрошенных в этой области), Луганской (14,8% и 32,2%), Николаевской (0,0% и 21,2%) и Харьковской (11,2% и 16,4%) областях. Во всех этих областях преобладают те, кто выразил желание в отношении создания автономий, общих с соседними областями. Можно предположить наличие таких интересов к интеграции у части жителей областей Востока страны, однако интеграционным интересам части жителей Николаевской области не соответствует существенное встречное “движение” (хотя бы на декларативном уровне) со стороны жителей соседних областей. Высший уровень унитаристских интересов был зафиксирован в Киеве, 78,9% жителей города выразили нежелание в отношении получения статуса автономии для своей области и предоставления такого статуса другим областям Украины (чуть больше 80% жителей столицы).

Если выйти за рамки картины общих демографических показателей и рассмотреть отдельные социально-психологические и социально-политические установки, можно увидеть некоторые специфические черты. Так, выделяется внешнеполитический фактор. Среди автономистов преобладает позитивное отношение к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси (80,0% и 81,9% соответственно указанным выше подгруппам) и негативное отношение к возможности вступления Украины в НАТО (83,3% и 86,5%). К перспективам вступления страны в Европейский Союз автономисты относятся с заметно меньшим уровнем позитива (30,0% и 22,8%), нежели унитаристы (50,5%).

Что касается самоидентификационных установок автономистов, то в их среде наиболее распространено осознание себя жителями своего населенного пункта или района — 34,1% и 21,2% (унитаристы — 24,8%), жителями своего региона — 9,1% и 18,8% (унитаристы — 5,6%), гражданами Украины — 40,9% и 31,2% (унитаристы — 57,4%) и гражданами бывшего СССР — 10,2% и 20,0% (унитаристы — 5,2%). Автономисты в меньшей степени воспринимают Украину как свою Родину — 75,3% и 58,7% (унитаристы — 91,7%), хотя в этом случае можно предполагать наличие в группе автономистов большего сегмента респондентов, родившихся за пределами Украины). Большинство автономистов (55,6% и 50,9%) оценивают нынешнее общество как абсолютно несправедливое.

В среде автономистов более распространены попытки отстаивать предоставление официального статуса русскому языку (44,3% и 54,7% по двум указанным выше подгруппам) и менее — укрепление общенационального единства (17,0% и 35,9%) или укрепление государственности украинского

языка (13,6% и 15,9%) (внутригрупповые показатели ответов унитаристов на эти вопросы дали такие результаты — 13,4%; 43,4 и 29,0%, соответственно). Кроме того, автономисты проявили больший уровень стремления к влиянию на решения местных властей (15,9% и 32,9%) и участие в работе местного самоуправления (11,4% и 19,4%), чем унитаристы. Однако ответы на вопрос *“Если бы у Вас была возможность определить главные направления финансирования социальной сферы в городе/селе, где Вы проживаете, то куда бы Вы прежде всего направили средства”* каких-либо существенных различий между автономистами и унитаристами в оценке насущных потребностей местного самоуправления не продемонстрировали.

Таким образом, можно предположить, что автономисты в большей мере нацелены на самоорганизационную локализацию и дистанцирование от центра под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Тем не менее не следует расценивать этот комплекс социально-политических установок как четко осознанный политический интерес социальной группы. Об этом позволяют говорить отдельные аспекты социального самочувствия и политической культуры данной категории граждан Украины. Так, респонденты из условной группы автономистов проявили в своих ответах заметно меньший уровень приспособленности к нынешней жизненной ситуации (14,4% и 12,4% соответственно указанным подгруппам), чем унитаристы (23,2%). Большинство центробежно настроенных граждан пребывают в поиске себя в нынешней жизни (40,0% и 32,0%) или вообще не имеют желания приспосабливаться к новым условиям (35,6% и 39,6%). В ответах автономистов зафиксирован более высокий уровень склонности к авторитаризму, нежели у сторонников центростремительного вектора внутренней политики. Наконец, особое значение имеет вопрос об ответственности, ведь расширение прав налагает и дополнительные обязанности на субъектов политических и гражданских отношений. Однако анализ ответов в указанном опросе показал: большинство автономистов отметили, что не несут никакой ответственности за состояние дел в стране (68,9% и 64,1%) и, что важно, в городе или селе своего проживания (74,4% и 63,7%). В целом данная конфигурация ответов контрастирует с результатами ответов унитаристов, которые дали не только меньший внутригрупповой процент варианта “не несу никакой ответственности” за ситуацию в стране и на местах (59,7% и 56,4% соответственно), но и опередили автономистов по показателям ответов в формулировке “да, частично несу”. Выходит, что стремление получить статус автономии еще не подкреплено готовностью граждан нести ответственность за такое расширение их политических прав. Автономистские интересы части украинского общества пока еще имеют черты не столько осознанного политического интереса для достижения определенных целей при помощи механизмов институтов автономной власти, сколько проявления реакции самозащиты в условиях неудовлетворенности неразрешимостью вопросов их культурно-цивилизационной самоидентификации. Обострению таких настроений способствует приход к власти в центре политических сил, которых представители тех или иных региональных сообществ воспринимают как чужаков. И очередная замена одних регионалов другими в верхних эшелонах власти способна привести к географическому “перемещению” центробежных интересов (а лучше сказать — защитной реакции в форме дистанцирования от центра, ставшего “чужим”) из одних регионов в другие.

О защитной функциональной нагрузке политических интересов граждан в контексте автономизма могут свидетельствовать результаты ответов на вопрос об опасениях. В таблице 8 приведены результаты ответов на вопрос omnibusного опроса Института социологии НАН Украины в 2009 году: «Как Вы считаете, чего люди сейчас боятся больше всего?» (по внутригрупповому распределению показателей).

Таблица 8

Оценка опасений разными группами граждан Украины*, %

Варианты ответов	Автономисты 1	Автономисты 2	Унитаристы	Респонденты АРК	Неопределившиеся	Безразличные
Рост преступности	64,4	72,9	61,4	48,5	65,4	56,7
Безработица	92,2	90,6	88,9	88,2	90,7	80,4
Нападение внешнего врага на Украину	5,6	5,3	7,2	2,9	10,5	5,9
Межнациональные конфликты	26,7	22,9	16,7	30,9	18,7	17,8
Межрелигиозные конфликты	5,6	3,5	8,1	14,7	5,7	5,9
Наплыв беженцев, переселенцев и приезжих	6,7	5,9	8,4	2,9	6,6	8,9
Остановка предприятий	67,8	70,0	58,2	60,3	59,9	52,6
Возвращение к прежним порядкам времен застоя	8,9	8,2	8,1	7,4	10,5	5,9
Голод	45,6	45,3	42,5	35,3	47,6	44,8
Массовые уличные беспорядки	24,4	24,1	22,9	16,2	25,6	22,6
Невыплата зарплат, пенсий и т.п.	75,6	73,5	74,2	97,1	75,0	68,9
Рост цен	83,3	87,1	82,7	92,6	84,0	78,9
Установление диктатуры в стране	5,6	11,2	9,4	11,8	9,9	5,9
Распад Украины как государства	17,8	11,2	27,0	17,6	21,4	18,1
Последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС	14,4	11,2	18,0	13,2	16,0	18,1
Заражение опасными для жизни инфекциями	37,8	38,8	39,0	41,2	41,6	38,5
Холод в квартире	31,1	40,0	27,4	38,2	33,7	31,5
Чего еще?	3,3	1,8	1,7	2,9	0,3	2,6
По-настоящему ничего не боятся	0,0	0,6	1,6	0,0	0,9	3,3

* Респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

В данном случае группы сформированы на основе вопроса: «Хотели бы Вы, чтобы область, в которой Вы проживаете, отдельно или вместе с одной

или несколькими соседними областями получила статус автономии в Украине?» К группе «автономисты 1» отнесены те, кто изъявил желание получить статус автономии для своей области самостоятельно. В группу «автономисты 2» вошли те, кто выбрал вариант обретения статуса автономии вместе с одной или несколькими соседними областями. Следует подчеркнуть, что респонденты АРК являются гражданами, которые уже проживают в автономии в составе Украины.

Из таблицы 8 видно, что относительно большее количество (по внутригрупповому распределению) ответов об опасениях дают сторонники автономизма и те, кто уже проживает в автономии. Автономисты демонстрируют гораздо больший уровень опасений в отношении роста преступности, участвовавших межнациональных конфликтов, остановки предприятий, холода в квартирах. В свою очередь, оппоненты децентрализации Украины больше опасаются нападения внешнего врага, распада Украины как государства, наплыва беженцев. Жители АРК чаще представителей других групп высказывают опасения насчет возникновения межнациональных и межрелигиозных конфликтов, невыплаты зарплат, роста цен. Доля не имеющих опасений относительно выше в условных группах «унитаристов» и «равнодушных». Сама конфигурация уровня страхов, свойственных представителям тех или иных групп, дает основания говорить о наличии реальных или виртуальных, социально-мифологических угроз, имеющих значение для конкретного сегмента политического пространства Украины. Усиление угроз и, соответственно, опасений в этом плане может стимулировать активизацию политической активности указанных групп, каждая из которых «исповедует» собственный вектор внутреннего устройства страны.

Своеобразную позицию в конфигурации ответов относительно страхов имеют жители действующей автономии в Крыму. Этот регион по юридической и политологической терминологии («автономия») имеет формальное право считаться наиболее отдаленным от центра субъектом внутриполитических отношений, а граждане имеют потенциальные возможности наибольшего влияния и, если нужно, давления на региональную власть и самые большие возможности реализации своих политических интересов благодаря механизмам автономии. Однако ситуация свидетельствует о другом. И речь идет не только о высшем уровне опасений, высказанных респондентами АРК, судя по отдельным вариантам ответов (отдельные страхи порождены спецификой Крымского региона).

Результаты опроса, проведенного в Крыму Украинским центром экономических и политических исследований им. А.Разумкова в октябре–ноябре 2008 года ($N = 6891$; возраст — старше 18 лет; АР Крым и г. Севастополь, погрешность выборки — 1,2%) [Національна безпека, 2008], дают основания говорить о слабой действенности механизмов автономии (в нынешнем ее состоянии) для реализации политических интересов крымчан. В течение почти 20 лет в Крыму фактически отсутствовала необходимая взаимосвязь между Украинским государством в целом и крымской региональной общностью. Большинство крымчан не ощущают себя своими в Украине, в конечном счете они высказывают не только высокую степень недоверия, но и четко выраженные сепаратистские настроения. Украину как свою Родину воспринимают 40,1% крымчан, не воспринимают — 32,9%. Всего 10,3% крымчан гордятся тем, что являются гражданами Украины. В качестве тягостной необходимос-

ти украинское гражданство воспринимают 13% жителей автономии. Для большинства жителей полуострова наличие гражданства Украины является “вопросом сугубо практическим и не вызывает ни позитивных, ни негативных чувств” [Національна безпека, 2008: с. 7]. Будь такая возможность, 48% крымчан согласились бы изменить украинское гражданство на другое (80% из них — на гражданство России). Патриотами Украины признали себя 28,6% жителей Крыма, не признали себя таковыми 49,3%.

Вопрос о статусе Крыма остается для его жителей открытым, а позиция крымчан здесь амбивалентна. Большинство жителей полуострова хотели бы, чтобы Крым вышел из состава Украины и вошел в состав РФ (63,8%). Вместе с тем 53,8% крымчан высказались в пользу сохранения автономного статуса Крыма в составе Украины, но с большими полномочиями. 35,1% опрошенных согласились бы со статусом полуострова как российской национальной автономии в составе Украины. Сегмент выразивших желание сохранить нынешний статус АРК значительно меньше — 21,9%. И совсем мало крымчан (7,9%) согласились бы с преобразованием Крыма в обычную область в составе Украины. В случае выхода Крыма из состава Украины и вхождения в состав РФ 21,8% респондентов отметили, что будут настаивать на таком решении, еще 46,6% ответили, что будут приветствовать такое решение. Согласно ответам на вопрос “*Какими будут Ваши действия, если Крым выйдет из состава Украины и станет независимым государством?*”, количество активных сторонников (10,6%) и лояльных (которые будут приветствовать такое решение — 34,9%) также достаточно велико. В случае обоих вариантов выхода Крыма из состава Украины лишь немногим более 10% крымчан выразили намерения опротестовывать такие решения мирным путем. Сегмент готовых противостоять этому с оружием в руках составляет чуть более 1% опрошенных.

Но даже при таких результатах опроса крымчан делать какие-либо политические выводы (и тем более бросать обвинения в низком уровне политической культуры, отсутствии патриотизма, сепаратизме и т.п.) нельзя. Необходимо выяснить, *как* в условиях действующей автономии крымчане ощущают необходимость дистанцироваться от Украины и *почему* они этого хотят. Ответов на эти вопросы в исследовании, проведенном в Крыму центром им. А.Разумкова, мы не находим, но его результаты могут подтвердить определенные наблюдения. Во-первых, институты автономии в Крыму не являются действенным механизмом в реализации политических интересов граждан Украины, проживающих на территории АРК. Фактически автономия в Крыму уже давно превратилась в некое формальное образование, не выполняющее своих функций адаптации политики центра в регионе, трансляции и отстаивания интересов регионального сообщества в центре. Крым, несмотря на его политико-географическую сущность как “закрытого в себе” региона, не является субъектом в политико-территориальной структуре Украинского государства, оставаясь одним из наиболее контролируемых центром объектов. В условиях чрезмерного внимания центра к АРК политико-управленческое содержание автономии было выхолащено. Таким образом, институт автономной власти в Крыму необходимо либо реформировать, либо упразднить его и реорганизовать АРК в область (хотя второй вариант будет всего лишь формализованной симуляцией решения проблем крымского регионального сообщества). Во-вторых, несмотря на недейст-

венность институтов автономии (на современном этапе) для реализации интересов жителей Крыма, в своих ответах они продемонстрировали желание сохранить автономный статус для своего региона. Это может опосредованно свидетельствовать о восприятии автономии как своего рода защитного механизма, что, впрочем, не исключает автономизм в современном украинском обществе из общей логики политических интересов.

Выводы

Рассмотрение изменений в институте государственной власти в Украине и факторов взаимоотношений центра и регионов в сочетании с исследованием отношения политических субъектов и региональных сообществ к автономизации регионов Украины позволили проследить специфические черты в конфигурации политических интересов этих акторов.

1. Интересы политических субъектов исходят из: а) традиций, обусловленных политической географией страны; б) ситуативных политических возможностей; в) обычных и хорошо апробированных моделей государственного управления из недавнего прошлого. Поэтому центральная власть в Украине, высшие посты в которой занимали выходцы из разных регионов, стала воспроизводить применительно к регионам почти такую же модель, какую в свое время использовал союзный центр Москва в отношении республик СССР. После 1995 года особое значение в Украине приобрели механизмы кадрового и бюджетного контроля над регионами.

2. Дискурс политических заявлений и реальных управленческих действий политических субъектов демонстрирует отсутствие у них интересов в плане децентрализации власти и предоставления больших полномочий органам местного управления. Не заинтересованы в усилении регионов не только политические субъекты столицы и крупных политических центров (Донецк, Днепропетровск, Харьков, Львов), цель которых — эффективное использование “периферии”, но и политические элиты менее развитых регионов, заинтересованные в сохранении дотационных поступлений из центрального бюджета. Это может оказаться одним из проявлений “рентоориентированного” характера украинского общества.

3. Тезисы относительно децентрализации власти и расширения полномочий местных органов власти в той или иной форме имеются в политических программах практически всех более или менее весомых политических сил в Украине. Эти лозунги провозглашаются в периоды оппозиционной деятельности тех или иных политических сил. Однако реальные политические практики любых “партий власти” или коалиций на их основе свидетельствуют об отсутствии комплексного политического интереса в децентрализации у любой политической партии. В таких условиях проекты федерализации не имеют ни малейших перспектив их воплощения из-за отсутствия субъектов этого интереса.

4. Своей региональной политикой (в ее нынешнем виде) центр создает большую проблему на будущее не только для периферии, но и для себя самого. В этих условиях региональные сообщества не имеют элементарных оснований избавиться от патернализма в своих взаимоотношениях с государством. Без давления “снизу”, без гражданской инициативы на местах развитие демократии невозможно. Слабость и безынициативность регио-

нов, которые превращаются в заброшенную периферию, будут оказывать негативное влияние на состояние государства и общества в целом. Ведь слабой, дотационно зависимой периферией руководить гораздо легче, чем экономически самостоятельными регионами. И в этом заключен непосредственный политический интерес центра и сильных региональных элит, борющихся за центральную власть.

5. Анализ заявлений представителей разных политических сил в СМИ в последние годы позволяет выявить некоторые центробежные интересы (продажа земли, передача разрешительных функций региональной власти, парламентский бикамерализм, восстановление мажоритарной системы выборов). Однако эти политико-административные изменения могли бы удовлетворить интересы политиков (упростить процесс борьбы за центральную власть, расширить поле для политического маневрирования в центре) и бюрократического сегмента государственной власти (получение большего количества механизмов контроля и распоряжения ресурсами на местном уровне) в большей мере, чем интересы региональных сообществ.

6. Конфигурация оценки гражданами перспектив децентрализации власти и, соответственно, регионализации в Украине изменяется в случае перенесения внимания с формальных (предоставление автономии как комплексной политической меры) на содержательные (отдельные структурно-составляющие элементы регионализации государства) аспекты данного вопроса. В общественном мнении украинского общества сейчас установилась своеобразная конфигурация политического интереса относительно регионализации: граждане высказываются против автономизации регионов Украины, однако позитивно относятся к составляющим института автономии. В концентрированном виде данный феномен можно сформулировать как активный *антиавтономизм с латентным стремлением к децентрализации*.

7. Анализ структурных показателей условной группы “автономистов” продемонстрировал, что весомыми факторами при группообразовании являются: а) языковой (преобладают русскоязычные граждане); б) тип поселения (города с населением свыше 250 тыс.); в) региональный (“автономисты”, преимущественно проживающие в Донецкой, Днепропетровской, Харьковской и Николаевской областях); г) внешнеполитический (ориентация на улучшение отношений с Россией и Беларусью, более сдержанное отношение, чем со стороны “унитаристов”, к ЕС, негативное отношение к НАТО).

8. Показатели социального самочувствия и политической культуры демонстрируют, что желание получить статус автономии еще не соответствует уровню готовности “автономистов” к ее получению. Это дает основания для вывода о том, что автономистские интересы части украинского общества все еще имеют черты скорее не осознанного политического интереса, связанного с достижением конкретных целей при помощи механизмов институтов автономной власти, а проявления реакции недовольства и самозащиты (этот вывод косвенно подтверждают и результаты опросов жителей АР Крым). Обострение подобных настроений вызывает приход к власти в центре политических сил, которых представители тех или иных региональных сообществ воспринимают как чужаков. И очередная смена одних регионалов другими в высших эшелонах власти может привести к географическому “перемещению” центробежных интересов (как защитной реакции в форме дистанцирования от центра, ставшего “чужим”) из одних регионов в другие.

9. Несмотря на ряд недостатков автономизма в украинском политическом пространстве и неготовность региональных сообществ к получению более широких полномочий для регионального и местного уровней власти и самоуправления, можно говорить (учитывая современные условия развития Украины), что децентрализация власти и предоставление регионам отдельных элементов автономии (в первую очередь бюджетной) фактически является обязательной для выполнения задач. Без формирования у граждан на индивидуальном и групповом (например, коллектив жителей дома и т.д.) уровнях осознанной самостоятельности в принятии решений, готовности нести ответственность за это ни выработки, ни эффективного использования механизмов защиты своих интересов, ни увеличения уровня гражданской активности и, соответственно, демократии в Украине не будет. Необходимо постепенное и планомерное “привитие” гражданам и социальным группам указанных признаков гражданского сознания и социально ответственного поведения, чему может содействовать децентрализация государственной власти и отход от модели патрон-клиентелистских взаимоотношений между центром и периферией в политическом пространстве Украины.

Литература

- Ашин Г.К.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. — М.: Экзамен, 2001. — 608 с.
- Вебер М.* Избранные произведения / Вебер М.; пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
- Вишняк О.* Соціокультурна динаміка політичних регіонів України : соціолог. моніторинг: 1994–2006 / Вишняк О. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2006. — 203 с.
- Ганущак Ю.* Централизация плюс деградация? [Электронный ресурс] / Ю. Ганущак // Зеркало недели. — 2007. — № 41 (670), 3–10 нояб. — Режим доступа : <http://www.zn.ua/2000/2040/60991/>.
- Герман Г.* Услід за Тойнбі [Электронный ресурс] / Г. Герман // Дзеркало тижня. — 2010. — № 13 (793), 3–9 квіт. — Режим доступу : <http://www.dt.ua/1000/1550/69055/>.
- Головаха Е.* Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Е. Головаха, Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 5–24.
- Головаха Е.* Українське суспільство 1992–2008 : соціолог. моніторинг / Е. Головаха, Н. Панина. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2008. — 85 с.
- Дорофеев А.* Лев Миримский: Крым экономически зависим от Киева, потому что недостаточно самостоятелен [Электронный ресурс] / А. Дорофеев // Новый регион. — Крым. — 2010. — 13 апр. — Режим доступа : <http://www.nr2.ru/crimea/278986.html>.
- Дубровский В.* Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода / [В. Дубровский, Я. Ширмер, У. Грейвс-третий, Е. Головаха, А. Гарань, Р. Павленко] // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 56–72.
- Колесниченко В.* Федеративная Украина — безальтернативная альтернатива развития украинского государства [Электронный ресурс] / В. Колесниченко, Р. Бортник. — Режим доступа : http://www.sevastopol.su/author_page.php?id=15882&parent=278.
- Кононов И.* Донбас і Галичина в регіональній системі України / І. Кононов, С. Хобта, С. Щудло // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2008. — № 3. — С. 73–98.

Копиленко О. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу / Копиленко О. — К. : Таксон, 2002. — 343 с.

Федерализация Украины: причины, субъекты интереса и возможные последствия : круглый стол [Электронный ресурс]. — 2005. — 3 февр. — Режим доступа : http://www.kpu.net.ua/kruglij_stol_na_temu_federalizatsija_ukraini_prichini_sub_ekti_interesa_i_vezmozhnije_posledstvija/.

Лозунько С. “Регионалы” отказываются от федерализации — одного из своих ключевых постулатов / С. Лозунько // 2000. — 2005. — № 43 (291), 28.10 — 3.11.05. — ВЗ.

Макеев С. Регіональна специфікація соціокультурних відмінностей в Україні / С. Макеев, А. Патракова // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 109–125.

Мальгин А. Крымский узел / Мальгин А. — Симферополь : Новый Крым, 2000. — 160 с.

Мальгин А. Украина: Соборность и регионализм / Мальгин А. — Симферополь : СОНАТ, 2005. — 280 с.

Матвієнко К. Да здравствует федерал на Украине [Электронное джерело] / К. Матвієнко // Українська правда. — 2010. — 25 трав. — Режим доступа : <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/05/25/5072023/>.

Мостовая Ю. Как нам обустроить Украину, или Что делать с административно-территориальной реформой? [Электронный ресурс] / Ю. Мостовая, С. Рахманин // Зеркало недели. — 2007. — № 31 (660), 24–31 авг. — Режим доступа : <http://www.zn.ua/1000/1550/60261/>.

Національна безпека і оборона. — 2008. — № 10.

Новак А. Кто нас ще больше “децентрализует”? [Электронный ресурс] / А. Новак // Українська правда. — 2010. — 22 лют. — Режим доступа : <http://www.pravda.com.ua/columns/2010/02/22/4797743/>.

Оксамитна С. Соціологічний ракурс політичної географії України / С. Оксамитна, С. Макеєв // Політичний портрет України : Бюлетень Фонду “Демократичні ініціативи”. — 1995. — № 11. — С. 1–7.

Рожкова И. Региональные особенности изменения “электорального веса” капиталов при выборах по мажоритарной системе (сравнительный анализ результатов украинских парламентских кампаний 1998 и 2002 годов по мажоритарным округам) / И. Рожкова // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 63–80.

Ротар Н. Представництво регіональних інтересів в Україні: проблеми і перспективи / Н. Ротар // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. — 2009. — Вип. 44. — С. 237–244. — (Підсерія “Курасівські читання”).

Рябов М. Новый спикер парламента Крыма заявил, что полуостров не может прожить без Украины [Электронный ресурс] / М. Рябов // Новый регион. — Крым. — 2010-а. — 12 апр. — Режим доступа : <http://www.nr2.ru/crimea/278643.html>.

Рябов М. Нового спикера парламента Крыма пристыдили за то, что ползает на коленях перед Киевом [Электронный ресурс] / М. Рябов // Новый регион. — Крым. — 2010-б. — 15 апр. — Режим доступа : <http://www.nr2.ru/crimea/279245.html>.

Середа В. Аналіз зв'язку преференцій респондентів Львова і Донецька щодо національного минулого з їх соціально-демографічними характеристиками / В. Середа // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. праць. — Харків, 2006. — С. 125–131.

Стегній О. Регіоналізм в Україні як об'єкт соціологічного дослідження / О. Стегній, М. Чурилов. — К., 1998. — 217 с.

Стегній О. Регіональний фактор розвитку політичної культури населення України / О. Стегній // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2005. — № 3. — С. 94–122.

Стегній О. Типи політичних культур регіональних спільнот України / О. Стегній // Вісник Львівського університету. — 2008. — Вип. 2. — С. 32–56. — (Серія “Соціологія”).

Тарасенко О. Механізми лобіювання регіональних інтересів / О. Тарасенко // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. — Вип. 44. — К., 2009. — С. 245–252. — (підсерія “Курасівські читання”).

Тихонов В. Манифест федералізма, или путь к демократическому государству [Электронный ресурс] / В. Тихонов. — Режим доступа : <http://federal.org.ua/content/manifest-federalizma-ili-put-k-demokraticheskomu-gosudarstvu>.

Януковича заговорили о бюджетном федерализме [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://novosti.dn.ua/details/31044/>.

Україна–2002. Моніторинг соціальних змін / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К.: Інститут соціології НАНУ, 2002. — 668 с.

Україна для людей. Передвиборча програма кандидата в Президенти України В.Януковича [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/>.

Українське суспільство 1992–2009. Динаміка змін / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К.: Інститут соціології НАНУ, 2009. — 560 с.

Федосов В. Фінансова реструктуризація в Україні: проблеми і напрями : [монографія] / за наук. ред. В.Федосова / Федосов В., Опарін В., Львовчкін С. — К. : КНЕУ, 2002. — 387 с.

Хмелько В. Через що політикам вдається розколювати Україну / В. Хмелько // Дзеркало тижня. — 2006. — 24 черв.

Худицкий В. Местное самоуправление: почему “рыба вместо удочки”? [Электронный ресурс] / В. Худицкий // Зеркало недели. — 2010. — № 8 (788), 27 февр.–5 марта. — Режим доступа : <http://www.zn.ua/2000/2600/68668/>.

Шульга М. Політико-правове забезпечення інтересів національних меншин і регіонів України за умов формування відкритого суспільства / М. Шульга // Демократичні вибори і відкрите суспільство. — К., 1994. — С. 54–58.

Шульга М. Проблеми формування державної регіональної політики / М. Шульга // Регіональна політика України: Концептуальні засади, історія, перспективи. — К., 1995. — С. 3–24.

Янукович В. Популізм – слишком дорогая плата за популярность / В. Янукович // 2000. — 2010. — № 22 (512), 4–10 июня. — А6–А7.